

УДК 130.2: 316.7

DOI: 10.17223/1998863X/34/27

Ф.В. Наумов

ОДНОЯЗЫЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: НОРМАТИВНАЯ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Представлено исследование языковой политики государств, проводящих одноязычную языковую политику в ситуации языкового разнообразия, через призму языкового законодательства. В рамках работы исследуется нормативно-правовой материал современных государств, придерживающихся одноязычной языковой политики, с целью выделения специфики отношения к языкам и языковым правам. Выявляется существенная сторона политики одноязычия и дается ее предварительная социолингвистическая оценка.

Ключевые слова: языковая политика, языковое разнообразие, государственный язык, национальная идентичность.

Государственная политика всегда опирается на совокупность правовых предписаний, посредством которых она осуществляет регулирование общественно значимых отношений в обществе. Языковая политика как часть общей политики государства осуществляется в соответствии с языковым законодательством, анализ которого позволяет выявить ее характерные особенности. В сущности, любая языковая политика необходима при решении таких проблем, как языковые конфликты и межэтнические отношения, проблема языкового сдвига и многоязычного образования, «смерть» и появление новых языков и т.п. То, каким образом в рамках языковой политики решаются эти вопросы, зависит от отношения к двум основным понятиям: отношения к языкам и отношения к правам индивидов в отношении языков.

Таким образом, целью данной работы является анализ языковой политики государств, проводящих одноязычную языковую политику в ситуации языкового разнообразия, через призму языкового законодательства. В качестве методологических рамок исследования выступает нормативное толкование правовых источников, а также их интерпретация в рамках социолингвистики. В работе исследуются группы норм, принадлежащие разным отраслям права, с целью раскрыть специфику отношения государств с одноязычной языковой политикой к языкам и языковым правам.

Предметом исследования являются нормативно-правовые акты государств, придерживающихся языковой политики одноязычия, принадлежащие различным отраслям, среди которых конституционные, административные и специальные языковые правовые нормы, регулирующие общественные отношения в сфере языковой коммуникации.

Безотносительно к тому, положительно общество относится к факту языкового разнообразия, отрицательно или нейтрально, государство было и остается важнейшим агентом языковых изменений, которое всегда действует в рамках определенной политики. В начале 2000-х годов ЮНЕСКО обрати-

лась к международной группе лингвистов с просьбой разработать методологию, позволяющую определить жизнеспособность языка, чтобы способствовать использованию соответствующих мер по его сохранению. Эта группа экспертов, специализирующихся на языках, находящихся под угрозой исчезновения, разработала ориентировочную концепцию документа под названием «Жизнеспособность и исчезновение языков» [1]. При оценке угрозы выживанию для того или иного языка можно использовать, согласно исследованиям, ряд критериев. Нужно сказать, что, хотя ни один отдельно взятый критерий не позволяет с достаточной определённой судить о состоянии языка на конкретной территории, существуют основные факторы, влияние которых важнее, а все прочие находятся в логической и функциональной зависимости от них. Среди таких критериев, как «появление новых языков», «абсолютное число говорящих», «пропорция говорящих относительно общего количества жителей», «отношение членов языкового сообщества к своему языку» и «использование языка в отдельных сферах», эксперты справедливо выделили также «государственные стандарты использования языка и наделение его правовым статусом», который, несомненно, является одним из основных. В зависимости от политического режима государства по-разному подходят к таким важным вопросам, как проблема выбора языка-медиатора, поддержание «слабых» языков, правовая регламентация функциональных сфер использования языка и т.д.

Как отметил А. Паттен, одноязычная языковая политика, стремящаяся к языковой конвергенции, оказывается полезной для государства с разных точек зрения [2. С. 378]. Во-первых, такая языковая политика обеспечивает социальную мобильность для всех носителей государственного языка, давая им возможность достаточно быстро показать свою лояльность и получить доступ ко всем основным общественным институтам. Во-вторых, наличие единого престижного языка-медиатора позволяет эффективно строить коллективную идентичность граждан и, в-третьих, обеспечивает быстрый и эффективный обмен мнениями внутри государства, что очень важно для любого демократического государства. Наконец, в-четвертых, один общеобязательный государственный язык позволяет максимально сократить затраты государства на переводы и двуязычную коммуникацию, что определяет экономическую ценность такой языковой политики.

Язык как особый символ и средство внутренней интеграции рассматривают государства, которые можно назвать национальными. Как отметил Э. Хауген, любое национальное государство «минимизирует внутренние различия и максимизирует внешние» [3. С. 104]. Язык, таким образом, выступает как одно из средств минимизации различий внутри государства, подчеркивая единство нации как политического субъекта, наряду с общими обычаями и религией. Не случайно, в период Великой французской революции диалектное разнообразие государством было осуждено как феодальный пережиток. Кроме того, единый национальный язык также выступает в качестве критерия различия с другими государствами, подчеркивая независимость и суверенитет. Данные причины оправдывают особый правовой статус для национального языка – государственного языка.

Так, принятая в 1922 году Конституция Латвийской Республики с 6 ноября 1998 года устанавливает в ст. 4, что государственным языком Латвии является латышский язык, и это положение можно изменить лишь референдумом, в соответствии со ст. 77 [4]. Кроме того, ст. 4 Конституции ставит государственный язык в один ряд с государственным флагом – главным символом государства. Поправки от 30 апреля 2002 года добавили в Конституцию еще две характерные языковые нормы: в соответствии со ст. 18, парламентарии перед вступлением в должность должны приносить клятву: «Я, принимая на себя обязанности депутата Сейма, перед народом Латвии клянусь (торжественно обещаю) быть преданным Латвии, укреплять ее суверенитет и латышский язык как единственный государственный язык, защищать Латвию как независимое и демократическое государство и выполнять свои обязанности честно и добросовестно. Я обязуюсь соблюдать Конституцию и законы Латвии». Также латышский, в соответствии со ст. 21, является единственным рабочим языком Сейма. Кроме того, действующий закон «О государственном языке» («Valsts valodas likums»), вступивший в силу 1 сентября 2000 года, в ст. 5 подчеркивает тезис о максимизации различий и подчеркивает, что все языки, кроме латышского языка, являются иностранными, не делая исключений для языков национальных меньшинств внутри государства [5].

Особенностью таких государств также является то, что, не признавая другие языки, некоторая поддержка оказывается диалектам государственного языка. Так, Эстонская Конституция, в ст. 6 прямо устанавливает, что официальным (государственным) языком Эстонии является эстонский язык [6]. Далее, ст. 3 второй главы «Языковая политика и управление в языковой сфере» эстонского закона о языке «Keeleseadus» устанавливает эстонский в качестве государственного языка и уточняет, что государство способствует сохранению и развитию (использованию) местных диалектов государственного эстонского [7]. Кроме того, в статье закрепляется статус эстонского жестового языка, который также объявляется вариантом эстонского. Латышский закон «О государственном языке» определяет, что в Латвийской Республике государственным языком является латышский язык, однако, как и в Эстонии, Латвия обеспечивает развитие латышского жестового языка, а также защиту и развитие латгальского письменного языка как исторического варианта латышского языка.

Государственное регулирование языкового разнообразия в рамках политики языковой конвергенции происходит посредством одностороннего обязывания индивидов изучать и использовать государственный язык, что означает значительное ограничение их права на свободную коммуникацию даже на местном уровне и в частной сфере.

Так, в соответствии со ст. 101 Конституции Латвии, латышский язык является рабочим языком самоуправлений. Закон «О государственном языке» признает право использовать любой язык в частной сфере в ч. 3 ст. 2, однако, в соответствии с ч. 2 ст. 2, допускает «пропорциональное» вмешательство государства в вопросы употребления языков в частной сфере, если это оправдано «законными интересами общества». Латышское законодательство не гарантирует права использовать другие языки, кроме государственного язы-

ка, при устном общении с органами власти, а также прямо запрещает в ст. 10 использовать другие языки при письменном общении, не делая исключений для регионов со значительным или даже преобладающим латвийским населением.

Сфера занятости – одна из типичных сфер, в которой может проявляться ограничительный характер языкового законодательства. Так, латвийский Закон «О государственном языке» в 6-м разделе предусматривает, что все, устраиваемые на работу на государственную и муниципальную службу, в суды, государственные и муниципальные коммерческие и общественные организации, в уставном капитале которых преобладает доля государства, должны обладать соответствующим уровнем владения государственным языком. Нанимающиеся в частные коммерческие и общественные организации, а также индивидуальные предприниматели обязаны использовать государственный язык, если их деятельность связана с общественными благами, такими как публичная безопасность, сфера здравоохранения, защита потребителей и трудовые права, а также область общественной нравственности. Работники частных учреждений, организаций, предприятий (предпринимательских обществ), а также самозанятые лица, которые на основании законов или иных нормативных актов выполняют определенные публичные функции, обязаны употреблять государственный язык в таком объеме, который необходим для выполнения соответствующих функций. В соответствии с п. 4 ст. 6 иностранные организации обязаны использовать государственный язык в объеме, необходимом для выполнения своих функций. Объем знаний государственного языка, необходимый для упомянутых в ч.ч. первой, второй и третьей ст. 6 лиц, а также порядок проверки владения государственным языком устанавливает, в соответствии с п. 5 ст. 6, Кабинет министров.

Закон Эстонии содержит очень похожие положения в 5-й главе, однако он также включает нормы касательно обязательных экзаменов и сертификации знаний языка. Согласно статьям главы 5, должностные лица и работники государственных органов и органов местного самоуправления, а также сотрудники юридических лиц и ведомств, члены юридических лиц в публичных правоотношениях, нотариусы, судебные приставы, присяжные, переводчики и сотрудники их бюро должны быть в состоянии понимать и использовать эстонский на уровне, который необходим для выполнения своих служебных или трудовых обязанностей. Если это оправдано в интересах общества, от сотрудников компаний, некоммерческих объединений и фондов и индивидуальных предпринимателей, а также членов совета некоммерческих объединений с обязательным членством требуется владеть эстонским на уровне, который необходим для выполнения ими своих трудовых обязанностей. Вместе с тем требования к владению эстонским языком не применяются к лицам, которые работают в Эстонии временно в качестве иностранных экспертов или иностранных специалистов. Также к иностранным преподавателям и исследователям не должны применяться требования по владению эстонским, если они проработали в Эстонии менее пяти лет.

Эстонский закон более конкретен по сравнению с латышским и предусматривает такие институты, как аттестация и сертификация по государственному языку. Так, знание эстонского языка оценивается специально организованной Министерством образования и науки Эстонии комиссией, и, если

возникают сложности и испытуемый не удовлетворен результатом квалификационных экзаменов, он имеет право в течение тридцати дней после того, как сообщается результат экспертизы, подать заявление в Министерство образования и науки для пересмотра результатов его экзаменов. Далее, специальная комиссия рассматривает поданную жалобу в течение тридцати дней и выносит одно из следующих решений: отклонить жалобу или удовлетворить ее и выдать сертификат о знании государственного языка. Также, в соответствии со ст. 3 параграфа 26 Закона, освобождаются от сдачи квалификационных экзаменов лица, прошедшие основное, среднее или высшее образование на государственном языке и, в соответствии со ст. 4, образование считается пройденным на эстонском, если хотя бы 60 % учебной нагрузки было на эстонском языке.

Литовский Закон «О государственном языке» («Valstybinės kalbos įstatymas») упоминает частные организации не конкретно в ст. 6, в соответствии с которой руководители, сотрудники и офицеры государственных и муниципальных учреждений, учреждений, служб, а также руководители, сотрудники и офицеры полиции, правоохранительных служб, учреждений связи, транспорта, здравоохранения и социального обеспечения и других учреждений, оказывающих услуги населению, должны знать государственный язык в соответствии с категориями знания языка, утвержденными правительством Литовской Республики [8].

Отношение к государственному языку как к символу внутренней идентичности и предмету гордости предполагает применение соответствующего императивного регулирования общественных отношений в сфере коммуникации, как было показано выше. Однако такое регулирование, помимо обязывания, должно осуществлять еще и функции контроля и надзора, что порождает уникальный правовой институт ответственности за нарушения норм в сфере языковой коммуникации, который является отличительной особенностью политики языковой конвергенции.

Так, эстонский Закон «О государственном языке» содержит особую 7-ю главу «Ответственность», посвященную ответственности за правонарушения в сфере языковой коммуникации, содержащую ряд составов административных правонарушений. Диспозиция ст. 33 регулирует ответственность за нарушение требований по использованию эстонского языка в сфере государственного управления, переписки, отчетности, связи с лицами или пересылкой информации, связанных с работой в пользу работников государственных учреждений, с юридическими лицами в публичном праве, органами местного самоуправления, органами компании, некоммерческими объединениями, фондами или индивидуальными предпринимателями, а также на печатях, штампах или бланках. Ответственность в соответствии со ст. 34 предусмотрена за отсутствие перевода на государственный язык при трансляции аудиовизуального контента на иностранном языке для публичного доступа. Нарушение требований по использованию эстонского языка и эстонского литературного стандарта предусмотрено ст. 35, где указывается на нарушение требований по использованию эстонского языка и норм эстонского литературного языка на публичных вывесках и указателях, в наружной рекламе, в том числе наружной рекламе, установленной в общественном месте с це-

лю политической агитации, и на веб-страницы, рекламе и пр. Помимо прочего, в число деяний, за которые предусмотрена ответственность, попадают нарушение требований к использованию эстонского языка при обслуживании потребителей и нарушение требований языковой компетенции. Кроме того, в каждом из правонарушений предусмотрен квалифицирующий состав. Санкции статей абсолютно определенные, а наказание по ним предусмотрено в форме штрафа.

Латвия регламентирует языковую ответственность в статьях Кодекса об административных правонарушениях [9]. Четырнадцатый раздел «с» – «Административные нарушения в сфере использования государственного языка» – предусматривает административную ответственность по 11 составам правонарушений, среди которых встречаются статьи, аналогичные эстонским, такие как статья 201²⁷ «Необеспечение перевода на заседаниях и других рабочих собраниях» или статья 201³² «Необеспечение перевода на государственный язык передач радио, телевидения и фильмов». Некоторые статьи непосредственно подчеркивают позицию государства в отношении официального языка как символа. Так, статья 201³⁶ «Неуважение к государственному языку» предусматривает ответственность за высказывание вопиющего неуважения к государственному языку. Все статьи по форме санкций также абсолютно определенные, а наказание также выражается в форме штрафа.

Таким образом, на основе всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

Государства, проводящие одноязычную языковую политику, рассматривают государственные языки в качестве средства внутренней интеграции, где они выступают не только в функции всеобщих медиаторов коммуникации, но и как важные политические символы. Государства, ориентированные на сохранение национальной политики, придерживаются одноязычия, что означает особое, привилегированное положение одного языка по отношению к другим с целью объединения сообществ внутри государства, а также достижения ряда целей, способствующих сохранению стабильности политического режима, таких как единое пространство общественной коммуникации. Воспринимая государственный язык как символ единой нации, такие государства используют преимущественно императивное регулирование языковой политики, что выражается в принятии множества обязывающих и запретительных правовых норм, которые существенно ограничивают фундаментальные права человека в сфере свободы слова и частной жизни.

Государства, проводящие одноязычную языковую политику, существенно ограничивая свободу индивидов, запрещают использовать негосударственные языки в официальной сфере, а также имеют специальные правовые институты, предусматривающие ответственность за нарушения языкового законодательства. Помимо обязываний и запретов, государства, осуществляющие одноязычную языковую политику, вынуждены принимать множество правовых норм, предусматривающих ответственность за нарушение в сфере языковой коммуникации. Подобные меры порождают особый правовой институт ответственности и вызваны стремлением укрепить национально ориентированный политический курс государства.

Литература

1. *Официальный сайт ЮНЕСКО* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.unesco.org/new/ru/culture/themes/endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger/> (дата обращения: 30.12.2015).
2. *Alan Patten. Liberal neutrality and language policy* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.princeton.edu/~apatten/liberalneutrality-PAPA.pdf> (дата обращения: 30.12.2015).
3. *Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия* / [пер. с англ.]; отв. ред. Н.Б. Бахтин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 97–113.
4. *Конституция Латвийской Республики: принята Учредительным собранием 15 фев. 1922 г.* [Электронный ресурс]. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Latvia_2007 (дата обращения: 30.12.2015).
5. *Закон «О государственном языке» Республики Латвия: принят в 1999 г., вступил в силу в 2000 г.* [Электронный ресурс]. – URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=14740> (дата обращения: 30.12.2015).
6. *Конституция Эстонской Республики: принята на референдуме 28 июня 1992 г.* [Электронный ресурс]. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Estonia_2003 (дата обращения: 30.12.2015).
7. *Закон «О языке» Республики Эстонии: принят 23 фев. 2011 г., вступил в силу с 1 июля 2011 г.* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/Riigikogu/act/515012014002/consolide> (дата обращения: 30.12.2015).
8. *Закон No. IX-954 «О государственном языке»: принят 31 января 1995 с поправками от 12 июня 2002 г.* [Электронный ресурс]. – URL: http://www3.lrs.lt/pls/inter/www_tv.show?id=91765,6953,30 (дата обращения: 30.12.2015).
9. *Кодекс об административных нарушениях Латвийской Республики: по состоянию на 26.03.2014 г.* [Электронный ресурс]. – URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=89648> (дата обращения: 30.12.2015).

Naumov Philip V. Tomsk State University (Tomsk, Russia)

DOI: 10.17223/1998863X/34/27

MONOLINGUAL LANGUAGE POLICY: LEGAL AND SOCIOLINGUISTIC CHARACTERISTICS

Keywords: language policy, linguistic diversity, national language, national identity

Today, most states at least in some case may be characterized as culturally diverse. International dialogue of scientists and artists, qualified migration and student mobility leads to the situation where in most countries significant numbers of people belong to different cultures. And that's not taking into account the indigenous peoples with their distinctive cultures. The problem arises precisely from the fact that many culturally distinctive people want to comfortably live in the country where they grew up or came in, so the authorities must organize a collective democratic community within the country. In this connection the question arises: to what extent the cultural diversity can be considered as acceptable and tolerable and how to ensure harmony in these circumstances? When within a single society coexist people with different cultural traditions, it is necessary to solve a number of problems, to provide and arrange all the rules of social life and to determine the range of rights and responsibilities of individuals and communities. Because to solve these issues is not easy, governments have to choose between different options of language policy. One such option is a monolingual language policy, and as noted by A. Patten, such language policy, tending to linguistic convergence is useful for countries with different points of view. Firstly, such a language policy provides social mobility for all non-carriers of the state language, giving them the opportunity to show their loyalty and get access to all major public institutions. Secondly, the presence of prestigious single-language mediator can effectively build a collective identity of citizens and, thirdly, to provide a quick and efficient exchange of views within the state, which is very important for any democratic state. Finally, fourthly, one obligatory state language allows to minimize expenses on state transfers and bilingual communication that determines the economic value of a language policy. The ways of resolving these issues in the framework of language policy are based on two basic concepts: attitudes towards languages and respect for the linguistic rights. In this paper we analyze the monolingual language policies of different countries in terms of their normative content in the major legal sources, such as the constitutions, administration and special language legislation. According to this analysis it is clear, that states, conducting monolingual language policy, consider the state language as a tool of internal integration, where it serves not only as a

function of the general mediator of communication, but also as an important political symbol. States focused on the preservation of national policy, adhere to monolingualism, which means a special, privileged position of language (in relation to the other) in order to unite the communities within the state as well as achieve a number of objectives that contribute to maintaining the stability of the political regime.

References

1. *The official UNESCO website*. [Online] Available from: <http://www.unesco.org/new/ru/culture/themes/endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger/>. (Accessed: 30th December 2015).
2. Patten, A. (n.d.) *Liberal neutrality and language policy*. [Online] Available from: <https://www.princeton.edu/~apatten/liberalneutrality-PAPA.pdf>. (Accessed: 30th December 2015).
3. Bakhtin, N.B. (2012) *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and sociology of language]. Translated from English. St. Petersburg: European University in St. Petersburg. pp. 97-113.
4. *The Republic of Latvia Constitution: Adopted by the Constituent Assembly on February 15, 1922*. [Online] Available from: https://www.constituteproject.org/constitution/Latvia_2007. (Accessed: 30th December 2015).
5. *The Law "On state language" of the Republic of Latvia adopted in 1999, entered into force in 2000*. [Online] Available from: <http://likumi.lv/doc.php?id=14740>. (Accessed: 30th December 2015).
6. *The Republic of Estonia Constitution: approved by Referendum on 28 June 1992*. [Online] Available from: https://www.constituteproject.org/constitution/Estonia_2003. (Accessed: 30th December 2015).
7. *The Law "On Language" of the Republic of Estonia: adopted February 23, 2011, entered into force on July 1, 2011*. [Online] Available from: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/Riigikogu/act/515012014002/consolide>. (Accessed: 30th December 2015).
8. *Law No. IX-954 "On state language": adopted January 31, 1995, as amended on June 12, 2002*. [Online] Available from: http://www3.lrs.lt/pls/inter/www_tv.show?id=91765,6953,30. (Accessed: 30th December 2015).
9. *Code of Administrative Violations of Latvia as of March 26, 2014*. [Online] Available from: <http://likumi.lv/doc.php?id=89648>. (Accessed: 30th December 2015).